

УДК 343

DOI: 10.34670/AR.2026.59.57.052

## Сетевые сообщества как среда формирования криминальной идеологии у молодёжи

**Платицына Любовь Андреевна**

Аспирант,  
кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права,  
Московский государственный  
юридический университет им. О.Е. Кутафина,  
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;  
e-mail: laplaticyna@msal.ru

### Аннотация

В статье анализируются способы и методы воздействия криминальных субкультур на молодёжь в цифровом пространстве. Известно, что в России данная проблема проявляется особенно остро на фоне социально-экономических преобразований и ценностных девальваций. Цифровые сообщества нового типа существенно изменяют способы и методы социального воздействия на молодёжь, образуя уникальные группы, где участники создают альтернативные образы через общие коды, ритуалы и языковые практики. Физическая дистанция в данном случае не имеет никакого значения, так как определяющим фактором становится единый смысл внутри информационного потока. Также анализируются, во-первых, предпосылки вовлечения молодежи в преступные онлайн-сообщества, во-вторых, влияние на поведение молодёжи анонимных площадок (Reddit, 4chan.org и др.), мессенджеров, интернет-платформ, онлайн-игр, в-третьих, раскрываются механизмы создания криминальных образов в цифровых системах. Особое внимание уделяется международным практикам профилактики данной проблемы, в частности, опыту Швеции и Норвегии. Делается вывод о необходимости создания комплексной системы профилактики, сочетающей работу образовательных учреждений, правоохранительных органов, общественных организаций и интернет-компаний.

### Для цитирования в научных исследованиях

Платицына Л.А. Сетевые сообщества как среда формирования криминальной идеологии у молодёжи // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 457-467. DOI: 10.34670/AR.2026.59.57.052

### Ключевые слова

Криминальная субкультура, криминальная идеология, молодёжь, мессенджеры, преступность, пропаганда, Интернет, интернет-платформа, сетевые сообщества, социальная сеть, методология исследования, криминология.

## Введение

В настоящее время цифровизация радикально изменила ориентиры взросления современной молодёжи. Молодёжь социализируется уже не во дворах и подъездах, а в Интернете, в частности на различных онлайн-платформах [Антонян, Борисов, 2017, с. 181]. Можно сделать вывод, что виртуальные площадки превратились в полноценные социальные сообщества со своими правилами. Необходимо отметить, что технологии, созданные для объединения людей, одновременно становятся источниками разрушительных идеологий, где культ силы и неприятие социальных норм создают новый облик подрастающего поколения в России.

Механизмы распространения девиантных моделей поведения претерпевают изменения. Например, модели работы социальных платформ, изначально настроенные на максимальную вовлеченность подростка, преднамеренно создают очаги отчуждения [Карпова и др., 2020, с. 164]. Известно, что подросток, единожды проявивший интерес к «жесткому» контенту, оказывается в информационном «тиске», где каждый следующий посыл усиливает первоначальный. Визуальная культура коротких видео превращает акты насилия в разрушающий контент, где количество просмотров становится мерилом социального статуса. Цифровые «увлечения» преподносят противоправные действия как развлечение, убирая грань между игрой и реальностью.

## Основная часть

Проблема подростковой агрессии приобретает беспрецедентные масштабы вследствие одномоментного активного общения через мессенджеры. Внезапное проявление насилия оказывается тщательно организованным и спланированным, где все действия общающихся подростков распределены заранее. Видеозаписи избиений и оскорблений активно распространяются, насаждая молодёжи асоциальную систему ценностей, где жестокости присваивается высокий ценностный балл. Автор не будет подробно останавливаться на изучении причин и особенностей правонарушений несовершеннолетних, так как это уже блестяще сделано Г. М. Миньковским и В.В. Лунеевым [Кузнецова, Миньковский, 1998; Ахмедзянова и др., 1972; Горшенева, Миньковский, 1975; Миньковский, 1959; Лунеев, 2011].

Необходимо отметить, что именно омбудсмен стоит во главе государственной правозащитной политики в отношении защиты прав ребёнка. Он, как и Президент России, явился инициатором предложений по учреждению института Уполномоченного по правам ребёнка в регионах. С 2012 года также действует другой важнейший закон, который был разработан омбудсменом в целях создания механизма, способного оградить детей от воздействия информации, способствующей развитию у них нравственных страданий, психических заболеваний и искажению традиционных русских семейных ценностей. Конечно же, речь идёт о последствиях влияния на ребёнка телевидения, интернета, радиопередач, газет и журналов, компьютерных игр... Таким образом, Уполномоченный получил право разрабатывать специальные программы совместно с другими правозащитными органами и организациями в целях пресечения распространения подобных, отрицательно влияющих на развитие ребёнка, материалов. В качестве примера можно привести мероприятия по блокированию интернет-сайтов, содержание которых способствует разрушению психики ребёнка.

Гигантский масштаб данной проблемы подтверждается опытом развитых стран, например,

парижские окраины стали центром изучения цифрового формирования молодежных группировок, где закодированные каналы связи позволяют регулировать массовые беспорядки с особой пунктуальностью. Французские социологи отмечают появление нового типа молодёжных лидеров – «цифровых авторитетов», чьё влияние оценивается возможностью управлять информационными ресурсами.

Скандинавская модель демонстрирует альтернативный подход. Шведские муниципалитеты создают программы «цифровых наставников», где бывшие члены уличных сообществ работают молодёжными идеологами в Интернете [Dovran и др., 2024], [Лауритцен, Вис, 2024]. Примечательно, что в основе норвежской системы с целью выявления тревожных посылов в Интернете, в частности в различных социальных сетях, применяется искусственный интеллект, при этом строго соблюдая этические принципы и принципы секретности. Основное отличие шведской и норвежской моделей – признание цифровой среды как социального пространства, в котором необходимо именно присутствие взрослых наставников.

В России данная проблема проявляется особенно остро на фоне социально-экономических преобразований и ценностных девальваций. Романтизация уголовного образа жизни, посредством песенной лирики накладывается на традиции «дворовой» культуры, формируя вредоносный гибрид. Подростки из провинции, не имеющие достаточной и приемлемой самореализации, находят в онлайн-группировках возможности для своего социального утверждения.

Научное осмысление происходящего требует особого подхода при одновременном участии криминологов, медиапсихологию и педагогов. При этом очень важно избежать упрощенных подходов, аргументирующих всё происходящее «плохим влиянием Интернета», и признать опасность образующихся социально-цифровых систем, где современные технологии и поведение подростка образуют неразрывное целое.

Настоящее исследование раскрывает механизмы создания криминальных образов в цифровых системах, анализирует предпосылки вовлечения молодежи в преступные онлайн-сообщества и систематизирует международные практики профилактики данной проблемы. Путём сравнительного анализа предлагается усовершенствованная схема создания системы профилактики, способной опережать распространение цифровых негативных установок и изменить разрушительную идеологию сети, трансформируя её в созидательную плоскость.

Цифровые сообщества нового типа существенно изменяют способы и методы социального воздействия на молодёжь, образуя уникальные группы, где участники создают альтернативные образы через общие коды, ритуалы и языковые практики. Физическая дистанция в данном случае не имеет никакого значения, так как определяющим фактором становится единый смысл внутри информационного потока.

Устройство работы цифровых платформ задает особую схему социального взаимодействия. Например, Instagram, ВКонтакте, TikTok задают направленность внутренним помыслам подростка, где идеи воплощаются через образы, звуковые дорожки и хореографию, например, пятнадцатисекундный ролик может продемонстрировать философию протеста через танцевальное движение или даже музыкальный фрагмент.

Мессенджеры (Telegram, Discord, WhatsApp) способствуют появлению закрытых групп – от локальных управленческих центров до теневых структур с криминальным содержанием. Telegram стал инфраструктурой параллельного информационного мира, где различные платформы пропагандируют идеологию уличного превосходства.

Автор обращает внимание на работу таких анонимных площадок, как Reddit, 4chan.org и др.,

которые функционируют как источники бескомпромиссности. Безликость всех участников способствует ввиду отсутствия их репутационных рисков снижению моральных ограничений до полного их уничтожения, превращая жестокость в обыденность, а человеконенавистничество – в философскую позицию.

Игровые системы (Discord-серверы, Steam-сообщества, Roblox) создают иллюзорные социумы с собственными законами и иерархией. Виртуальные сражения становятся площадкой для отработки навыков агрессии и превосходства как элементы игры, но при этом постепенно становясь образом жизни игроков.

Таким образом, стирание границ между вымыслом и реальностью приобретает критическое значение. Виртуальные роли проникают в собственные биографии молодых пользователей, перенося все установки агрессии и жестокости в их жизнедеятельность, а виртуальные площадки функционируют как образцы идеологий, воспевающих «кодекс улиц». Страшные видеосюжеты массовых столкновений, речи о «настоящем братстве» утверждают, как норму силовое решение подростковых конфликтов.

Изолированные группировки представляют качественно иной уровень сообществ. Попадание в закрытые Telegram-каналы или Discord-серверы требует прохождения определённых проверок в виде символических испытаний. Внутри групп формируется определённый норматив отношений: специфический сленг, различные ритуалы посвящения, установки поведения. Психологическая атмосфера таких группировок балансирует между

взаимоподдержкой и принуждением к подчинению, где отказ от участия в коллективных действиях представляется как неподчинение и предательство.

Российский контент демонстрирует особый путь развития криминальных субкультур в цифровом пространстве. В исследованиях Российских юристов особое внимание уделяется к изучению сообществ в сети Интернет с криминальной идеологией. Так В.Е. Квашис и И.А. Ильницкий выделяют следующие виды криминальной идеологии в сети Интернет [Квашис, Ильницкий, 2021, с. 27-29], детерминирующие общественно опасные деяния:

- идеология колумбайн-сообществ;
- наркотическая идеология;
- идеология криминального суицида;
- идеология онлайн-педофилов;
- идеология экстремизма и терроризма;
- идеология А.У.Е.;
- идеология криминального онлайн-бизнеса;
- идеология шифропанков.

Движение АУЕ («Арестантский уклад един»), признанное экстремистским и запрещенное в России, является показательным примером проникновения субкультуры в онлайн-пространство [Антонян, Борисов, 2017, с. 183]. Через социальные сети ВКонтакте и YouTube распространялась идеология криминального образа жизни с романтическим оттенком, воровские понятия представлялись как альтернативная система ценностей, а сбор денег «на общак» – как взаимопомощь. Подростки из провинции, особенно из неблагополучных семей, находили в этой идеологии удачную подделку социальной справедливости и братства, противопоставленную «несправедливым» законам государства.

Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ, 49 % пользователей Интернета обращаются для коммуникации к социальной сети «ВКонтакте» и 46 % – «Одноклассники». Отмечается, что данные сети являются наиболее популярными среди россиян, пользующихся Интернетом. Сети

«Whatsapp» и «Instagram» до блокировки применяли соответственно 26 % и 17 % пользователей соответственно, а «Facebook» лишь 15 % подключенных к сети Интернет. Примечательно, что 21 % опрошенных не пользуются социальными сетями для общения и предпочитают другие способы. Согласно указанному исследованию, среди граждан в возрасте 18-24 лет наибольшей популярностью пользуются социальные сети «ВКонтакте» (92 %). При этом среди пользователей более старшего возраста популярность имеет социальная сеть «Одноклассники», ее аудитория – 54 % людей в возрасте старше 60 лет. 35 % граждан в данном возрасте не пользуются социальными сетями вообще. И лишь 1 % молодых людей в возрасте 18-24 лет поступают так же [Антонян, Борисов, 2017, с. 181-182].

Различные составные виртуальные конструкции представляют наибольшую сложность для контроля. С одной стороны, канал или страница транслирует легальный контент с провокационными сюжетами, привлекая молодёжную аудиторию эстетикой бунта. С другой, параллельно функционирует теневой уровень, например, закрытые чаты для «проверенных», где звучат радикальные призывы и планируются акции, направленные на нарушение режима законности. Французский опыт молодежных выступлений 2023 года отчетливо продемонстрировал эффективность таких двухуровневых структур: открытые каналы распространяли призывы к протесту, закрытые согласовывали все конкретные действия.

Приспосабливаемость и устойчивость полуправовых сообществ обеспечиваются устойчивым равновесием между видимым и скрытым. Правоохранительные органы сталкиваются с тем, что их формально-легальная деятельность скрывает криминальную суть, доказательная база усложняется множеством участников, а попытки проникновения в эту среду сталкиваются со сложной системой проверок.

Способы существования виртуальных групп значительно отличаются от классических формаций. Например, такие традиционные характеристики, как стиль одежды, музыкальные предпочтения, дислокация, замещаются цифровыми – мемами, хештегами, особыми речевыми конструкциями.

Феномен АУЕ отчетливо продемонстрировал механизмы перехода традиционной криминальной субкультуры в сеть Интернет. Воровской жаргон в полной мере подстроился под язык социальных сетей, вместо тюремных татуировок появились цифровые аватары с соответствующей символикой, а «уголовные понятия» тиражировались через музыкальные клипы. Подростки постигали криминальные законы не через непосредственный контакт с уголовным миром, а через различные медиаобразы популярных интернет-блогеров, где насилие возводилось в ранг эстетики, а преступность – романтики.

Сообщества, созданные на мемах, представляют принципиально новый тип идеологического перевоплощения. Политические и социальные месседжи превращаются в ироничные визуальные контенты, где серьезность становится абсурдом, а радикализм – юмором. Подросток, входя в пространство, постепенно усваивает различные токсичные установки, тщательно их переосмысливая.

Вокруг отдельных стримеров или блогеров формируются узкие круги почитателей, подражающих не только их внешности, но их манерам поведения. Агрессивная речь, явное пренебрежение социальными нормами, идеология физического превосходства преподносятся как элементы личного бренда, необходимые для воспроизведения.

Смешанные субкультуры объединяют разнородные культурные установки – от хип-хоп эстетики до милитаристской символики, от японских аниме до тюремной романтики. Например, после запрета АУЕ его элементы не исчезли, а перестроились и вошли в новые субкультурные

формы: уличный рэп, движения футбольных фанатов, группы «оффников» [Антонян, Гончарова, 2018, с. 90]. Визуальная стилистика (балаклавы, татуировки, специфическая жестикация) активно распространяется через короткие видеоформаты.

Виртуальные сообщества преобразовались в параллельные образовательные организации, где происходит альтернативная социализация подростков. Мемы заменяют учебники, вирусные ролики – моральные примеры, а лайки – социальное одобрение. Подростку навязывают технологии символического доминирования, например, успех измеряется количеством полученных лайков. Опыт борьбы с АУЕ показал, что простой запрет не может решить проблему, т.к. *криминальная идеология* находит всё новые каналы распространения, успешно адаптируясь ко всем новшествам в цифровом пространстве.

Как отмечает доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации Н.П. Барабанов: «Криминальная идеология... включает в себя систему понятий и представлений, сложившуюся в групповом сознании преступников. Кроме того, речь идет о своеобразной философии, которая оправдывает, объясняет и поощряет преступный образ жизни, снимает психологические и нравственные барьеры у людей, оказавшихся перед выбором противоправного или социального типа поведения. Наличие криминальной идеологии является главным условием запуска механизма самооправдания и отрицания своей ответственности у преступника» [Барабанов, 2017, с. 177]

Данная мировоззренческая платформа строится как особая этическая система, где правовые нормы замещаются внутренними законами, основанными на групповой сплочённости и физическом подчинении.

Если традиционная криминология связывала подобные идеологические установки только с организованными преступными группировками, то всеобщая информатизация способствовала массовому распространению и усилению этого явления. Молодые люди без криминального прошлого становятся приверженцами этой морали, охваченные онлайн-культурой, где нарушение закона преподносится как самовыражение, а неподчинение – как признак внутренней силы.

Показательным в этом случае стало движение АУЕ («Арестантско-уркаганское единство», «Арестантский уклад един») признанное экстремистским на территории РФ. Появившись как сетевое объединение в социальных медиа, оно тиражировало тюремную идеологию, подстраивая её под молодёжную аудиторию.

Формулировки данной идеологии, распространяющиеся в сети, превращались в инструмент самоутверждения без глубокого понимания их смысла. Для значительной части молодежи АУЕ было символом протеста для властных и образовательных структур, что объясняет популярность данной идеологии после официального запрета движения в 2020 году – она продолжает пребывать в музыкальном контенте, коротких видео, частных беседах.

Норвежские исследователи, изучавшие похожие процессы радикализации молодежи через социальные сети, установили феномен «цифрового бандитизма» – формирования криминальной идеологии у подростков без прямого контакта с преступным миром [Robinson, Gardee, 2022].

Основные черты криминальной идеологии в онлайн-среде:

- негативное отношение к правовым нормам («законы для слабаков»);
- утверждение агрессии как факта превосходства;
- конфронтация с социальными институтами;
- героизация правонарушителей;
- употребление специфической лексики, использование визуальной атрибутики

(украшения, маски, денежные знаки и т.д.).

В настоящее время ценностные ориентиры формируются у современной молодёжи преимущественно через сети с помощью визуальных медиа – коротких роликов, стримов, интерактивных развлечений. Цифровой контент превратился в основной канал распространения криминальных установок, где агрессия представлена не как ненорма, а как увлекательное зрелище.

На платформах TikTok и YouTube часто можно увидеть материалы, где молодые люди демонстрируют девиантное поведение, показывают холодное оружие, исполняют напичканные тюремной лексикой и атрибутикой треки. Подобные видеоматериалы собирают миллионные аудитории, формируя у молодёжи деструктивное поведение.

Критическую роль играет облачение деструктивного поведения в форму игры. На виртуальных платформах (GTA Online, Rust, Roblox, CS:GO) образуются микрообщества, где проявление превосходства, агрессия и игнорирование норм становятся элементами досуга. Со временем игровые установки проецируются на реалии.

При ежедневном просмотре и, таким образом, их усвоении проявления насилия утрачивают негативную окраску, превращаясь в обыденность. В результате формируется новая идеология, где жесткость и «безразличие» воспринимаются как достоинства.

События во Франции летом 2023 года достоверно показали этот механизм: множество молодых участников уличных бунтов проповедовали разрушения и тиражировали в сети истории с подписями «on est là» («мы тут»), утверждая разрушительную идеологию в реалиях. Аналогичные процессы наблюдаются и в российском цифровом пространстве: столкновения с полицией, всевозможные «розыгрыши» с элементами агрессии, игровые сцены с противоправными действиями.

Исследование университета г. Осло показало, что 73% подростков, вовлеченных в уличное насилие, предварительно размещали девиантный контент в социальных сетях, используя их как способ формирования репутации «жесткого парня».

Интернет-вербовка перестала быть преимуществом экстремистских организаций, став обычной техникой криминальных объединений, приспособленной под психологию подрастающего поколения.

Первоначально поэтапно формируется чувство групповой принадлежности. Молодой человек ощущает признание, вовлеченность «в движение». Далее появляются предложения «поддержать товарищей», «поехать с командой», «заснять действие».

Техники вербовки опираются на механизм социального доверия. Неформальные лидеры проповедуют атмосферу взаимопомощи и единства, гарантируя поддержку, статус и материальные выгоды. Для молодого человека это может оказаться первым опытом «взрослой жизни».

В АУЕ и похожих группировках активно проповедуется типаж «старшего товарища» - харизматичного «гуру», «объясняющего устройство мира». Этот образ продолжает фигурировать в социальных сетях («ВКонтакте», Instagram, TikTok), мессенджеры (Telegram, WhatsApp, Signal) и ресурсы теневого пространства сети Интернет (DarkNet): личности с криминальным подоплёкой преподносят «правила настоящей жизни», собирая миллионные аудитории – для молодёжи – это не правонарушитель, а «наставник мужества».

Норвежская модель SLT (Samordning av Lokale rus- og kriminalitetsforebyggende Tiltak) показывает, как специалисты отслеживают платформы онлайн-радикализации и вступают в активный диалог с подростками группы риска, предлагая позитивные формы самореализации –

от спортивных секций до творческих студий.

Период взросления характеризуется процессом самоутверждения и завоёвывания признания. Криминальная идеология проникает в эти естественные процессы, предлагая упрощенные девиантные решения этих вопросов.

Основу криминальной идеологии составляют, неформальные нормы и правила поведения, в своей совокупности составляющие, так называемый, «воровской закон» («понятия»). Это система неписанных норм, регламентирующих правила поведения преступников, в первую очередь, между членами криминальной среды [Кочкарев, 2023, с. 3]. Криминальная идеология целенаправленно используется в онлайн-среде не как деструкция, а как альтернатива слабости, как путь к «самоуважению» и «аутентичной морали», она не призывает к беспорядкам, она обещает порядок.

В результате, молодой человек, ищущий справедливости, оказывается в условиях, где справедливость подменяется правом сильнейшего. Виртуальные объединения, вооруженные поведением и харизмой неформальных лидеров, формируют общества, не воспринимающие закон как защиту, но видящие в правонарушении самовыражение.

Явление криминальной идеологии в виртуальных сообществах представляет собой вызов для современного общества и большую опасность при социализации молодого поколения. Цифровое пространство создает беспрецедентные условия для распространения разрушительных моделей поведения, где исчезают границы между виртуальной игрой и реальным нарушением закона, а традиционные методы воспитания теряют свою эффективность.

Исследование показало, что онлайн-платформы функционируют как параллельные социальные миры, где формируются альтернативные системы ценностей, основанные на идеологии проявления силы и девиантном поведении. Системный асоциальный визуальный контент невольно затягивает молодых людей в пространство, где насаждается агрессия, а криминальное поведение представляется как форма протеста и самоутверждения.

Международный опыт показывает различные подходы к решению данной проблемы. Французская модель сосредотачивает внимание на работе муниципальных программ цифровой профилактики, где специалисты вступают в прямой диалог с молодежью. Шведский подход основывается на раннем выявлении признаков радикализации, контролируя онлайн-активность, привлекая к этому школы, социальные службы и психологов. Норвегия развивает уникальную систему взаимодействия между различными институтами, где специалисты работают непосредственно в онлайн-пространствах, транслируя альтернативные формы самореализации.

Поскольку в последние годы отмечается стабильный рост числа детей-преступников (до 14 лет) (всего ежегодно несовершеннолетних совершается более 50 тыс. преступлений, причем, около 10 тыс. подростков совершают преступления повторно [Шамрин, 2014, с. 180]) необходимо создание собственной модели противодействия, учитывающей особенности национальной культуры и развития цифровой среды. Опыт борьбы с движением АУЕ показал, что обычные формы запрета не решают проблемы, т.к. криминальная идеология активно находит новые каналы её распространения, ловко подстраиваясь к изменяющемуся медиапространству. В настоящее время преступность несовершеннолетних достигает значительного уровня, о чем свидетельствуют статистические показатели. Думается, что взаимодействие Уполномоченного по правам ребёнка с Министерством внутренних дел будет способствовать снижению показателей. преступности несовершеннолетних, главными причинами которой являются

грубость, жестокость родителей при воспитании ребёнка; алкоголизм, наркомания родителей; употребление несовершеннолетним наркотических средств, психотропных веществ, пива и напитков, изготавливаемых на его основе спиртных напитков [Мацкевич, Нечевин, Поляков, 2012 с. 37-40]; отсутствие должного воспитания: стремление ребёнка подражать своим друзьям-несовершеннолетним, уже совершившим противоправные общественно опасные деяния и др.

## Заключение

Таким образом, необходимо создать комплексную систему профилактики, сочетающую работу образовательных учреждений, правоохранительных органов, общественных организаций и интернет-компаний. Следует более активно развивать программы медиаграмотности молодёжи для правильного восприятия цифрового контента, пропагандировать их важность, а также создавать позитивные платформы в цифровом пространстве – площадки для творческой самореализации, образовательные проекты, спортивные и культурные мероприятия, с целью привлечения внимания молодежи и создания альтернативы деструктивному контенту.

## Библиография

1. Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // *Lex russica*. 2017. № 12. С. 180–186.
2. Антонян Ю.М., Гончарова М.В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2018. № 2. С. 87–100.
3. Ахмедзянова Г.Г., Гуковская Н.И., Долгова А.И., Иванов В.И. и др. Прокурорский надзор по делам несовершеннолетних / отв. ред. Н.М. Гуськов, А.И. Долгова, Г.М. Миньковский. М.: Юрид. лит., 1972.
4. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // *Человек: преступление и наказание*. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 177–182.
5. Горшенева Н.А., Миньковский Г.М. Борьба с преступностью несовершеннолетних в больших городах. М.: Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1975.
6. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 159–181.
7. Квашиш В.Е., Ильницкий А.С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // *Научный портал МВД России*. 2021. № 2 (54). С. 26–31.
8. Кочкарев А.И. Криминальная идеология и ее значение для российского общества // *Политконсультант*. 2023. Т. 3, № 4. URL: <https://politicjournal.ru/PDF/04PK423.pdf>.
9. Криминология: учебник / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой, проф. Г.М. Миньковского. М.: БЕК, 1998.
10. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. II. Особенная часть. М.: Юрайт, 2011. С. 735–772.
11. Мацкевич И.М., Нечевин Д.К., Поляков М.М. Правовые и организационные антикоррупционные элементы административной ответственности за незаконный оборот наркотиков: монография / под ред. Л.М. Колодкина. М.: Проспект, 2012. 184 с.
12. Миньковский Г.М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.
13. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // *Собрание законодательства РФ*. 2011. № 1. Ст. 48.
14. Шамрин М.Ю. Административно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2014. 345 с.
15. Dovran A., Hysing M., Sivertsen B. et al. Mental health in Norwegian children and adolescents exposed to childhood maltreatment: a comparison to a general population sample // *Nordic Psychology*. 2024. Vol. 0(0). P. 1–19.
16. Lauritzen K., Vis S.A. What Is the Outcome When Schools Report Concern for a Child to the Norwegian Child Welfare and Protection Services? // *Child Abuse Review*. 2024. Vol. 33, Issue 6. P. 1–9.

17. Number of reported child sexual abuse cases in Norway from 2016 to 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1182025/number-of-reported-child-sexual-abuse-cases-in-norway/>.
18. Robinson L., Gardee R. Radicalization, Extremism and Social Work Practice. Minority Muslim Youth in the West. Abingdon; New York: Routledge, 2022. 256 p.

## Network Communities as an Environment for the Formation of Criminal Ideology Among Youth

**Lyubov' A. Platitsyna**

Postgraduate Student,  
Department of Criminology and Penal Law,  
Kutafin Moscow State Law University,  
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;  
e-mail: [laplaticyna@msal.ru](mailto:laplaticyna@msal.ru)

### Abstract

The article analyzes the ways and methods of influence of criminal subcultures on youth in the digital space. It is known that in Russia this problem manifests itself especially acutely against the background of socio-economic transformations and value devaluations. Digital communities of a new type significantly change the ways and methods of social influence on youth, forming unique groups where participants create alternative images through common codes, rituals, and language practices. Physical distance in this case does not matter, since the determining factor becomes a unified meaning within the information flow. The article also analyzes, firstly, the prerequisites for involving youth in criminal online communities, secondly, the influence of anonymous platforms (Reddit, 4chan.org, etc.), messengers, Internet platforms, and online games on the behavior of youth, and thirdly, the mechanisms of creating criminal images in digital systems are revealed. Particular attention is paid to international practices for preventing this problem, in particular, the experience of Sweden and Norway. A conclusion is made about the need to create a comprehensive prevention system combining the work of educational institutions, law enforcement agencies, public organizations, and Internet companies.

### For citation

Platitsyna L.A. (2026) Setevye soobshchestva kak sreda formirovaniya kriminal'noy ideologii u molodezhi [Network Communities as an Environment for the Formation of Criminal Ideology Among Youth]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 457-467. DOI: 10.34670/AR.2026.59.57.052

### Keywords

Criminal subculture, criminal ideology, youth, messengers, crime, propaganda, Internet, Internet platform, network communities, social network, research methodology, criminology.

### References

1. Antonyan, E. A., & Borisov, E. A. (2017). K voprosu o populyarizatsii kriminal'noy subkul'tury sredi molodezhi [On the issue of popularization of criminal subculture among young people]. *Lex russica*, 12, 180–186.

2. Antonyan, Yu. M., & Goncharova, M. V. (2018). Sostoyanie i prichiny prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossii [The state and causes of juvenile delinquency in Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence], 2, 87–100.
3. Akhmedzyanova, G. G., Gukovskaya, N. I., Dolgova, A. I., Ivanov, V. I., et al. (1972). *Prokurorskiy nadzor po delam nesovershennoletnikh* [Prosecutorial supervision in juvenile cases]. Yurid. lit.
4. Barabanov, N. P. (2017). Kriminologicheskiy i psikhologicheskiy aspekty kriminal'noy ideologii i obraza zhizni v kriminal'noy subkul'ture osuzhdennykh [Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: Crime and Punishment], 25(1–4)(2), 177–182.
5. Dovran, A., Hysing, M., Sivertsen, B., et al. (2024). Mental health in Norwegian children and adolescents exposed to childhood maltreatment: A comparison to a general population sample. *Nordic Psychology*, 0(0), 1–19.
6. Federal Law No. 436-FZ of December 29, 2010 "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development." (2011). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1, Art. 48.
7. Gorsheneva, N. A., & Minkovsky, G. M. (1975). *Bor'ba s prestupnost'yu nesovershennoletnikh v bol'shikh gorodakh* [Combating juvenile delinquency in large cities]. All-Union Institute for the Study of Causes and Development of Crime Prevention Measures.
8. Karpova, A. Yu., Savelyev, A. O., Vilnin, A. D., & Chaykovsky, D. V. (2020). Izuchenie protsessa onlayn-radikalizatsii molodezhi v sotsial'nykh media (mezhdistsiplinarnyy podkhod) [Studying the process of online radicalization of youth in social media (an interdisciplinary approach)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3, 159–181.
9. Kvashis, V. E., & Il'nitsky, A. S. (2021). Sovremennye formy proyavleniya kriminal'noy ideologii v seti Internet [Modern forms of manifestation of criminal ideology on the Internet]. *Nauchnyy portal MVD Rossii* [Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2(54), 26–31.
10. Kochkarev, A. I. (2023). Kriminal'naya ideologiya i ee znachenie dlya rossiyskogo obshchestva [Criminal ideology and its significance for Russian society]. *Politkonsultant* [Political Consultant], 3(4). <https://politicjournal.ru/PDF/04PK423.pdf>
11. Kuznetsova, N. F., & Minkovsky, G. M. (Eds.). (1998). *Kriminologiya* [Criminology]. BEK.
12. Lauritzen, K., & Vis, S. A. (2024). What is the outcome when schools report concern for a child to the Norwegian Child Welfare and Protection Services? *Child Abuse Review*, 33(6), 1–9.
13. Luneev, V. V. (2011). *Kurs mirovoy i rossiyskoy kriminologii* [Course of world and Russian criminology] (Vol. 2, Special part). Yurait.
14. Matskevich, I. M., Nechevin, D. K., & Polyakov, M. M. (2012). *Pravovye i organizatsionnye antikorrupsionnye elementy administrativnoy otvetstvennosti za nezakonnyy oborot narkotikov* [Legal and organizational anti-corruption elements of administrative liability for illegal drug trafficking] (L. M. Kolodkin, Ed.). Prospekt.
15. Minkovsky, G. M. (1959). *Osobennosti rassledovaniya i sudebnogo razbiratel'stva del o nesovershennoletnikh* [Features of investigation and judicial proceedings in juvenile cases]. State Publishing House of Legal Literature.
16. Number of reported child sexual abuse cases in Norway from 2016 to 2023. (2023). Statista. <https://www.statista.com/statistics/1182025/number-of-reported-child-sexual-abuse-cases-in-norway/>
17. Robinson, L., & Gardee, R. (2022). *Radicalization, extremism and social work practice. Minority Muslim youth in the West*. Routledge.
18. Shamrin, M. Yu. (2014). *Administrativno-pravovoy status Upolnomochennogo po pravam rebenka* [Administrative and legal status of the Commissioner for Children's Rights] [Candidate's dissertation, Moscow].